

Хорошилов Д.А.

Динамическая устойчивость личности в социальном контексте:
проблема концептуализации

Khoroshilov D.A.

Dynamic stability of personality in a social context:
the problem of conceptualization

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Проблема рефлексии детерминант, определяющих границы устойчивости –изменчивости личности, требует рассмотрения эволюции концептуальных представлений о взаимодействии личности и социального контекста в различных психологических теориях: от психоанализа культуры до социального конструкционизма. Принцип динамического взаимодействия личности и окружения, восходящий к классическим работам К. Левина, в отечественной психологии соотносится с идеей контекстуальности социального познания и действия. В рамках научной школы Г.М. Андреевой считается, что социальный контекст неправомерно сводить только к ситуациям непосредственного межличностного общения; социальный контекст образует конфигурация институтов социализации, в ходе которой элементы обыденного, массового и общественного сознания (социальные представления) интернализируются во внутренние структуры индивидуального самосознания. В условиях трансформации социальных институтов как агентов социализации личности, закономерно приводящей к изменениям транслируемого институтами образа человека и мира, особую актуальность приобретает вопрос о конкретных механизмах интернализации обыденного и социального знания. Если обратиться к истории психологии, то возможно проследить развитие и совершенствование концептуальных инструментов, используемых для анализа взаимодействия личности и изменяющегося контекста, начиная от теорий социального характера и роли и заканчивая более современными представлениями о неопределённой идентичности, конструируемой в языковых практиках. В ракурсе аффективного поворота психологии целесообразно обратиться к категории коллективного переживания, которая выступает основным «посредником» в установлении диалектических отношений между личностью и обществом. Используемая в статье система научных категорий (социальные институты, социализация, идентичность, коллективное переживание) эвристична как для исследования феноменологии личности в социальном контексте, так и для моделирования процесса превращения знания, закреплённого в обществе

и социальных взаимодействиях, в индивидуальные структуры внутреннего опыта.

Ключевые слова: социальный контекст, социальные институты, социальный характер, роль, идентичность, социальный конструкционизм, коллективное переживание

Для цитирования: Хорошилов, Д.А. Динамическая устойчивость личности в социальном контексте: проблема концептуализации // Новые психологические исследования. 2023. № 4. С. 44–66. DOI: 10.51217/npsyre-search_2023_03_04_03

Социальный контекст как конфигурация институтов социализации

Древняя истина, восходящая к философии Платона и Аристотеля, согласно которой человек – существо общественное, предполагает исследование социального и культурно-исторического контекста существования личности на протяжении всего жизненного пути. Как отмечала Б.В. Зейгарник в фактически первом учебнике по психологическим теориям личности на русском языке, «личность человека обусловлена общественными условиями, но при этом личность не является простой проекцией этих условий, она сама их создаёт и творит» (Зейгарник, 1982). В этой формуле воспроизводится важнейшая идея К. Левина о динамическом взаимодействии личности и окружения (среды), гармонично сочетаемая с отечественной психологической традицией, для которой всегда была характерна особая чувствительность к проблеме контекстуальной обусловленности социального познания и действия (Гришина, 2022).

Социальный контекст нельзя сводить к ситуациям межличностной коммуникации, так как общество представляет собой не только совокупность отдельных индивидов, но *структуру социальных отношений и институтов* (Гидденс, Саттон, 2018). По мнению Г.М. Андреевой, социальный контекст образует конфигурация социальных институтов, где запечатлеваются многообразные взаимодействия между людьми и группами, входящими в состав общества (Андреева, 2007). Понятие социального института введено английским философом и социологом XIX века Г. Спенсером, расширившим содержание изначально юридического понятия до системы общепринятых эталонов, норм и правил, регулирующих социальные отношения.

Социальные институты представляют собой «*правила игры*» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки (или фреймы), упорядочивающие повседневную жизнь и служащие

уменьшению неопределённости и непредсказуемости. Они «организуют взаимоотношения между людьми, так что когда мы хотим поздороваться с друзьями на улице, поехать на автомобиле, купить апельсины, занять деньги, организовать свой бизнес, похоронить близких и совершить любые другие действия, с которыми сталкиваемся в обычной жизни, мы знаем (или можем легко научиться), как это сделать» (Норт, 1997, с. 18). Функция институтов заключается, следовательно, в *категоризации повседневности*.

Институты задают *дискурсы* – устойчивые системы значений, воспроизводимые в языковых практиках и знаковых системах культуры, искусства и науки, – и с их помощью определяют восприятие окружающего мира и того, как следует человеку понимать самого себя и отношения с другими людьми. Нарушение правил работы социальных институтов и транслируемых ими дискурсов приводит к индивидуальным ограничениям и санкциям.

Парадокс заключается в том, что социальные институты создаются нами, но при этом воспринимаются как независимая от нас принудительная реальность. В древности, например, в Вавилоне их прямо отождествляли с грозными и могущественными богами, кому поклоняется обычный человек: «Поскольку человек был создан специально для блага богов, его назначение заключается в служении им. Поэтому ни один человеческий институт не может иметь своей первичной целью благоденствие своих членов. Он должен в первую очередь способствовать благоденствию богов» (Франкфорт и др., 1984, с. 172). К счастью, в современном мире институты становятся более комфортными и предоставляют в распоряжение индивида различные стартовые ресурсы, которые он приспособливает под собственные жизненные интересы и задачи (Аузан, 2017).

Социальные институты – как одно из *измерений социокультурного пространства* существования человека (Орлова, 2012) – упорядочивают и передают обыденное знание об окружающем мире в форме социальных представлений.

Феноменология обыденного знания и повседневной жизни нашла наиболее полную разработку в понимающей социологии А. Шюца. С точки зрения последнего, обыденное знание есть интерсубъективный, т.е. разделяемый между индивидами, корпус убеждений, суждений и представлений, которые относятся к типичным для того или иного общества и культуры ситуациям межличностных взаимодействий. Обыденное знание – это основной элемент *жизненного мира*, смысловой реальности общества (Шюц, 2004).

Итак, обыденное знание является опытом совместного переживания, осмысления и интерпретации повседневности. Считается, что по психологическим свойствам обыденное знание сближается с *мифологическими* и даже *магическими формами мышления*: для них характерны самоочевидность, игнорирование логических противоречий, специфическое понимание причинности (после того значит вследствие того), соединение эмоционального и рационального, образно-символическая репрезентация реальности (Тхостов, 2020).

Функция обыденного знания заключается в адаптации к реальности, упрощении и объяснении непонятых и сложных событий и явлений, превращении всего неизвестного и пугающего в легко объяснимое и знакомое.

Социальные представления – понятие, впервые введённое в работе французского психолога С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика» (1961 г.) и вскоре ставшее обозначением одноимённой концепции. Социальные представления следует отличать от представлений коллективных (у Э. Дюркгейма), относящихся к традиционным обществам; социальные представления призваны отразить специфику изменяющегося мира, в котором основное значение приобретает медиатизация реальности (постепенного проникновения медиа во все сферы жизни) и постоянное взаимодействие научного и обыденного знания. По мнению Московиси, социальные представления – эквивалент мифологии, смешанной с обыденными интерпретациями науки, – производятся людьми как «наивными учёными».

Социальные представления рассматриваются как особая форма обыденного знания, «которое определяет реальность для социальной общности, выработавшей его для целей деятельности и коммуникации» (Емельянова, 2023, с. 223). Социальные представления 1) структурно организованы; 2) разделяются членами группы; 3) формируются в диалоге и коммуникации; 4) социально полезны (Rateau et al., 2012). Последняя названная характеристика социальных представлений связана с их функцией группового копинга с неопределённостью, а также конструирования и поддержания социальной идентичности (Бовина, 2010).

Понятие социального представления позволяет конкретизировать психологическое содержание *общественного сознания* и соотнести его с сознанием индивидуальным.

Общественное сознание неверно отождествлять с суммой индивидуальных мнений и сознаний, а следует рассматривать в качестве коллективно разделяемых и одобряемых образцов мышления

и поведения, обладающих относительно принудительным характером воздействия на человека. «Для каждого отдельного члена группы особым и основным аргументом становится представление, что так же думают и многие другие – те, с кем данный отдельный человек идентифицирует, отождествляет себя как с членами своей группы» (Штомпка, 2008, с. 308).

С.А. Рубинштейн полагает, что сознание отдельного индивида формируется под воздействием общественного сознания, однако не является его зеркальной проекцией, ибо идеи, господствующие в том или ином обществе, преломляются индивидом в зависимости от особенностей жизненного пути (Рубинштейн, 1959). Индивидуальное сознание важно соотнести с перспективой истории жизни человека: какие социальные представления и элементы обыденного знания, почерпнутые из общественного сознания, он применяет к своей автобиографии и актуальной жизненной ситуации?

Социальные представления, конструируемые на двух уровнях: институциональной и межличностной коммуникации, приобретаются отдельным человеком на протяжении его жизненного пути от рождения до смерти в ходе социализации. С психологической точки зрения именно благодаря социализации обеспечивается межпоколенческая преемственность представлений и ценностей, характерных для того или иного общества. Социализация может быть описана как определённое «путешествие» (жизненный «квест») через лабиринты институтов, ключевая задача которого заключается в конструировании своей индивидуальности и жизненного стиля из тех возможностей, предоставляемых конкретным социально-историческим контекстом. Индивидуализация и социализация представляют две стороны одного и того же процесса активного поиска и обретения собственного места в системе социальных отношений (Концепции социализации и индивидуализации..., 2009).

В соотношении индивидуализации и социализации заложен конфликт (никогда до конца не преодолимый) между личностью и обществом, т.е. базовыми потребностями в объединении с другими людьми и вместе с тем в автономии от них, отделении себя от социального влияния. Парадокс в том, что личность не может существовать и развиваться вне общества, но при этом может сопротивляться и противостоять ему.

Трансформация социальных институтов как агентов социализации закономерно приводит к изменениям транслируемого ими образа мира и человека, жизненных практик индивидуализации и формирования

Я-концепции. Радикальные социальные изменения воспринимаются как полномасштабный кризис конфигурации социальных институтов, которые «ломаются», перестают работать и выполнять функцию ориентации человека в ситуации нестабильности и неопределённости. Он фактически лишается поддержки со стороны общества и вынужден самостоятельно справляться с социальными проблемами.

Социальные изменения, затрагивающие институты и процесс социализации, могут стать *коллективной* и *культурной травмой*, когда значительное историческое событие или воспоминание о нем (например, революция, война или радикальные реформы) затрагивает самые основы культуры и повседневной жизни, «точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т.д.» (Штомпка, 2001, с. 12). Разрушаются устоявшиеся символы, привычки и практики, вследствие чего возникает недоверие к официальным институтам, растерянность перед настоящим и будущим, фрустрация социальной активности.

В психологии постоянно совершенствовались концептуальные инструменты для анализа взаимодействия личности и изменяющегося социального контекста (Burr, 2002). Далее мы перечислим и охарактеризуем классические и современные концепции, которые используются в плане решения обозначенной проблемы и сегодня.

Социальный характер и проблема клинического анализа общества

На ранних этапах психологического теоретизирования о взаимодействии личности и общества применялась категория социального характера, связанная с классическим и социальным психоанализом (неофрейдизмом). З. Фрейд в работе «Тотем и табу» (1913 г.) проводил антропоморфное сравнение между душевной жизнью отдельного индивида и психологией народов (как называл этнопсихологию и социальную психологию В. Вундт): психологию культуры можно рассматривать по аналогии со структурой индивидуальной психики (в том числе первобытного человека, ребёнка и невротика, регрессирующего в своих фантазиях до инфантильного и архаического уровня развития и функционирования бессознательного). В позднем исследовании «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921 г.) Фрейд сформулирует важнейший методологический принцип: *индивидуальная психология в расширенном понимании является одновременно и социальной психологией.*

Структура индивидуального характера проецируется на общество в целом, что даёт возможность перейти к анализу *социального характера*, под которым Э. Фромм понимал «совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» (Фромм, 1990, с. 230). Социальный характер – специфический способ адаптации к окружающей среде, складывающийся в обществе, поэтому он логично соотносится с феноменом *конформности* (социального влияния большинства на меньшинство). Фромм в наиболее известной своей книге «Бегство от свободы» (1941 г.) представил блестящий анализ *патологического* характера авторитарной личности, формирующегося в закрытом тоталитарном обществе.

Понятие, близкое по значению социальному характеру, разрабатывалось в школе психологической антропологии «*Культура и личность*», также испытавшей значительное влияние психоанализа. А. Кардинер писал о *базисной личности*, имея ввиду структуру личности, разделяемую большинством членов культуры в результате сходного опыта воспитания в раннем детстве. Базисная личность и социальные институты связаны именно через социализацию и оказывают взаимное влияние друг на друга. Культура – это личность, спроецированная на экран и обретающая гигантские пропорции и длительную протяжённость во времени, по словам Р. Бенедикт (Стефаненко, 2014).

Однако в наши дни антропоморфные категории базисной личности и социального характера редко встречаются в научных психологических исследованиях, где обозначают набор стереотипов, т.е. упрощённых и схематизированных представлений об обществе и культуре («изнутри» или со стороны другой этнической группы). Отказ от этих категорий анализа личности и социального контекста обусловлен тем, что они, *во-первых*, не могут зафиксировать динамичность и изменчивость последнего; *во-вторых*, допускают ошибку психологического эссенциализма, то есть «сущностного» приписывания стабильности и неизменности определённым личностным характеристикам и чертам; *в-третьих*, просто уступают историческое место новым и более утончённым подходам.

Интересное возвращение к психоаналитическим идеям о характере наблюдается в связи с тенденцией использовать язык клинической психологии для анализа социальных и культурных явлений: так, устанавливается взаимосвязь между структурами современного общества и патологическими организациями личности, что запечатлевается в элегантных метафорах *общества нарциссизма* (Со-

колова, 2015) или *пограничного общества* (Гхостов, 2020). Следует соблюдать методологическую осторожность при заимствовании категорий патодиагностики для исследования сложных социальных процессов, не сводимых только к индивидуальному уровню их объяснения.

Социальная роль

как единица анализа динамической изменчивости личности

Понятие социальной роли – следующего концептуального «посредника» между личностью и обществом – воплощает театральную метафору социальной жизни как сцены или спектакля, где *«каждый не одну играет роль»*, согласно У. Шекспиру. Через 500 лет после премьеры шекспировских пьес И. Гоффман предложит драматургический подход к исследованию общества, отталкиваясь от работ Дж. Г. Мида – того, кто первым и заговорил о социальной роли в ракурсе *символического интеракционизма*. Взаимодействие является процессом взаимной интерпретации и понимания жестов, которыми обмениваются люди; в результате взаимодействий, опосредствованных символами и значениями, формируется образ генерализованного (обобщённого) Другого, включаемый в самосознание человека как внутренняя структура его социального Я (Мид, 2014).

По кратчайшему классическому определению Р. Линтона, социальная роль – это *динамический аспект статуса*, то есть совокупность нормативных требований, предъявляемых к поведению человека обществом или группой, занимающего определённую формальную позицию. В ролевых теориях используется особая терминология, призванная зафиксировать изменчивость и подвижность взаимодействия личности и общества (Шубрт, 2017) (напомним, что этот аспект выпадал из концепций социального характера и базисной личности). *Ролевой репертуар* состоит из набора основных и запасных ролей, исполняемых человеком в различных ситуациях, при этом номинальное количество ролей определяется многообразием социальных отношений и групп, куда он включён, – впоследствии данная характеристика одновременного принятия нескольких ролей обернётся проблемой единства и множественности социальной идентичности.

Если человек не до конца понимает, какое именно поведение от него требуется, то может возникнуть ролевая неопределённость. Если от члена группы, напротив, ожидается слишком много (и он это принимает), либо ролевые требования противоречивы, то имеют место *ролевая перегрузка* и *ролевой конфликт* соответственно. Таким образом,

индивид и группа постоянно обновляют и соотносят между собой поведенческие репертуары, в ходе чего пересоздаются, принимаются и определяются конкретные социальные роли (Жуков и др., 2008).

Классификации социальных ролей разнообразны, и лучше всего они разработаны в практических сферах организационной психологии и психологии менеджмента. Один из недавних экзотических и модных подходов предполагает проведение аналогии между современной организацией и первобытным племенем, где можно выделить роли *вождя, шаманов, старейшин, собирателей, локальных лидеров и охотников* (Крамер, Браун, 2020). Разумеется, роли не являются раз и навсегда фиксированными и постоянно изменяются на протяжении всего жизненного цикла организации или группы.

За «театральной сценой» ролевого взаимодействия, которое раскрывает динамику отношений между личностью и социальным окружением, имеется ещё и психологическое «закулисье» в виде когнитивных и аффективных факторов, стоящих за индивидуальным выбором и исполнением той или иной роли. Они уточняются в следующей концепции.

Социальная идентичность и принцип неопределённости в психологии

В современной психологии проблема личности и общества анализируется в оптике теории социальной идентичности А. Тэшфела. Социальная идентичность рассматривается не только как самоидентичность во времени и пространстве, признаваемая другими людьми (что является конституирующим для определения личностной или персональной идентичности в концепции Э. Эриксона), но и как результат двустороннего процесса идентификации со своей ин-группой («Мы») и дифференциации от чужой аут-группы («Они»). Социальная идентичность представляет собой *когнитивную Я-схему*, которая формируется в социальном контексте *межгрупповых отношений* и опосредствует поведение человека с другими людьми как членами своих и чужих групп (Стефаненко, 2014; Ellemers, Haslam, 2012). В *теории самокатегоризации* Дж. Тернера личностная и социальная идентичность оказываются различными формами соотношения самого себя либо со своими личностными особенностями и автобиографией, либо с референтной социальной группой; идентичность существует в динамическом переходе между названными двумя полюсами (Тернер, 2003; Turner, Reynolds, 2012). Полюса континуума самокатегоризации по Тернеру сопоставляются с двумя стратегиями идентификации (Куренной, 2013; Полева, 2018).

1. Личностная идентичность соотносится с *биографической* стратегией социальной идентификации (соотнесение с собой через обращение к событиям личного прошлого).

2. Социальная идентичность – с *партиципативной* (или участвующей) стратегией (соотнесение с тем, что является для меня общим с другими людьми).

В последнем случае возможны ещё два дополнительных варианта идентификации: *функциональная* стратегия (принятие профессиональной роли в специализации труда) и сегментивная (обращение к сообществам и субкультурам, воспринимаемым как «свои» и при этом противопоставляемым «чужим» группам). Последняя нередко актуализируется в ситуациях социальной нестабильности и межгрупповых конфликтов.

В теории *неопределённости-идентичности* М. Хогга социальная идентичность обсуждается как эффективный способ снятия неопределённости в отношении самого себя: интернализация когнитивно-поведенческого прототипа социальной группы, который предписывает, как необходимо думать, чувствовать и действовать, не только обеспечивает согласованное подтверждение образа Я со стороны ближайшего окружения, но и создаёт в индивидуальном восприятии образ предсказуемого и безопасного мира; на этом принципе строится психологический механизм присоединения к сообществам с жёсткой групповой структурой, в том числе – к радикальным и экстремистским движениям, ибо они успешны в редукции неопределённости (Hogg, 2012). Таким образом, социальная идентичность в концепциях Тэшфела, Тернера и Хогга становится все более зависимой от изменяющегося контекста; в дальнейшем активное соотнесение исследований идентичности с принципом неопределённости в психологии (Белинская, 2018) привело к постановке ряда серьёзных проблем теоретического плана.

1. *Проблема культурно-исторической детерминации идентичности.* Идентичность всегда отображает представления о человеке, которые формируются в истории культуры и становятся определяющими для общественного и индивидуального сознания эпохи. Образ человека в разные исторические периоды включает в себя характерный способ восприятия пространства и времени, отношения к изменениям и судьбе, соотношения чувственного к сверхчувственному (потустороннему), частей и целого и другие категории; в современной науке наиболее полно изучена идентичность средневекового человека (Гуревич, 2015).

По словам знаменитого философа и теоретика искусства XIX столетия И. Тэна, типическое представление о человеке легко опознаётся современниками и вызывает у них *переживание «восторга и симпатии»*. «В Греции такой личностью является породистый обнаженный юноша, достигший совершенства во всех телесных упражнениях; в средние века – восторженный монах и влюбленный рыцарь; в XVII веке – лучший царедворец; в наше время – вечно пылкий и грустный Вертер или Фауст» (Тэн, 1996). Сегодня на смену романтическим героям Гете пришёл персонаж, не понимающий, кем он является, и переживающий перманентный кризис социальной идентичности.

2. *Проблема кризиса социальной идентичности*. Феномен, использовавшийся в концепции Э. Эриксона для обозначения конкретного этапа онтогенеза, переносится на изменяющееся общество в целом. *Кризис идентичности* – это «особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и своё место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» (Андреева, 2011). Возникает многообразная «Протеева идентичность» (термин Р. Лифтона) – по имени античного бога Протeya, способного принимать множество обликов. Кризис идентичности становится кризисом смысла: жизненные события не складываются в смысловой гештальт, который распадается на множество осколков. Некоторые учёные критикуют расширенное понимание кризиса идентичности как глобального социального феномена и считают его метафорой, обозначающей процессы множественной категоризации и идентификации в межкультурных и политических коммуникациях (Брубейкер, 2012).

3. *Проблема единства и множественности идентичности*, впервые поставленная в классических работах У. Джеймса (в ракурсе соотношения образов Я), обусловлена тем, что индивид одновременно принадлежит к разным социальным группам и относительно свободно перемещается между ними. Открывающиеся возможности постоянной смены профессиональной деятельности и периодического обновления стиля жизни приводят к невозможности однозначной самокатегоризации и социальной идентификации. Феномен кризиса идентичности можно назвать реализацией теоретической проблемы единства и множественности Я в актуальной социально-исторической ситуации.

По мнению З. Баумана, проблема множественности идентичности заключается не в том, что наш современник тщетно стремится выстроить её устойчивый и целостный образ; напротив, он избегает чётких и завершённых идентификационных форм ввиду постоянно изменяющейся, «текучей» социальной реальности. Если ранее доминирующей метафорой жизненной стратегии был паломник, устремленный к достижению сакральной цели своего существования, то сегодня такими фигурами выступают более «приземлённые» *фланёр* (можно добавить – *фрилансер*), *бродяга*, *турист* и *игрок*, подвижные неприятием любой привязанности и фиксированности к пространству и времени (Бауман, 1995).

Й. Терборн рисует идеальный жизненный путь человека в XXI столетии, который представляет собой променаду по различным культурам и модным местам: неавторитарное воспитание в Северо-Западной Европе, высшее образование в университетах Оксфорда и Кембриджа, стильное завершение юности свадьбой с партнёром из Азии, напряжённая карьера в больших городах там же, а затем – безмятежная пенсионная жизнь в спокойном и красивом месте наподобие Женевы или Ванкувера, а лучший уход по старости и смерть – в странах Скандинавии (Терборн, 2015). Идентичность становится гибкой и пластичной по своим структурным и временным характеристикам, изменяясь сообразно бесчисленным коммуникативным взаимодействиям с другими людьми и группами, встречающимися на разных этапах жизненного пути.

Идентичность

как эпифеномен языка в социальном конструкционизме

Отсутствие критериев «сборки» разлетающихся элементов идентичности – как на эмпирическом (констатация её кризиса в условиях социальных изменений и диффузии межгрупповых границ), так и на теоретическом уровне анализа (переход от структурного подхода к динамически-процессуальному у Дж. Тернера и М. Хога) – заставили учёных искать новые инструменты исследования личности и общества за пределами когнитивного подхода Тэшфела и его последователей.

На излёте XX века в психологию проникают философские идеи постмодернизма (в частности, признание любой репрезентации реальности, претендующей на истинность, зависимой от социального контекста и стратегии концептуализации), что оборачивается возникновением парадигмы *социального конструкционизма*. С точки зрения

К. Гергена, конструирование – это процесс описания и объяснения окружающего мира в социальных отношениях и языковых практиках (дискурсе) (Gergen, 2015).

Языковые высказывания обладают *перформативной силой*: они не описывают и не выражают состояния сознания, а являются средством их формирования. Язык не отражает внешний мир, который якобы находится вовне человека и «удваивается» в ментальных репрезентациях (как утверждается в когнитивной психологии); язык создаёт мир, и он выглядит реальным и истинным для говорящего субъекта. Не человек пользуется языком, а язык говорит через человека, выражаясь метафорически.

Парадигма социального конструкционизма реализуется в следующих концепциях: *дискурсивной, нарративной и диалогической психологии*.

«Личность в осмысленном взаимодействии с другими – это место встречи многих дискурсов», – утверждает один из основателей дискурсивной психологии Р. Харре (Харре, 2007, с. 25). Личность – не стабильная сущность или целостность, а гипотетическая «точка сборки» отдельных элементов автобиографии, конструируемой и постоянно обновляемой в потоке коммуникаций и взаимодействий. Основное значение имеет то, как люди говорят о тех или иных сторонах своего Я в различных ситуациях (Potter, Wetherell, 1987).

Предметом нарративной психологии выступает *нарративная* (повествовательная) *идентичность* – результат структурирования жизненного опыта в историях, задаваемых культурой и социальным контекстом. Иными словами, идентичность *опосредствована нарративом*, рассказом о жизненной истории, сюжет которой имеет культурные формы и наполняется конкретным автобиографическим содержанием (МакАдамс, 2008). Реально проживаемая жизнь неотделима от того, как она интерпретируется, рассказывается и пересказывается значимым Другим и самому себе (Брунер, 2005).

Другой вариант конструкционистского подхода к идентичности обнаруживается в теории диалогической психологии Г. Херманса. Он опирается на идеи М.М. Бахтина о полифоническом романе, где автор ведёт повествование от различных героев и говорит несколькими голосами, вступающими между собой в диалог (такой жанр впервые открыт в романах Ф.М. Достоевского). Применяя принцип Бахтина к личности, Херманс рассматривает *диалогическую идентичность* как динамическое множество «голосов» (смысловых позиций, воображаемых точек зрения) в образном пространстве самосознания;

каждый из этих внутренних голосов рассказывает свою историю о каком-либо значимом событии или переживании. «Процесс диалога, подразумевающий доминирование и борьбу, становится путём к интеграции несовместимых позиций в составе полифонического, многоголосного «я» (Херманс, 2006–2007). Существенно, что «я» пишется с маленькой буквы для того, чтобы продемонстрировать его множественность и незавершённость.

Интерпретация личности в рамках конструкционизма имеет интересные параллели с философией и психологией буддизма. Личность для буддиста – не субстанция (вечная индивидуальная душа, как в других мировых религиях), а только имя, структурирующее бесконечный поток («*сантану*») сменяющих друг друга элементарных психофизических состояний. Каждое новое мгновение существует новая личность, причинно связанная с предыдущей и обусловленная ею (Торчинов, 2000). Не вызывает большого удивления, что Герген и его сторонники разрабатывают основы буддийской психологии и психотерапии для западной культуры.

Нарративная и диалогическая идентичности понимаются как эффекты социальных отношений и дискурса, а не как устойчивые структуры самосознания; уникальность и неповторимость личности считаются скорее полезными автобиографическими иллюзиями, служащими для поддержания социальных коммуникаций и слаженной работы культуры. Конструкционизм критиковали за нивелирование аффективного измерения идентичности, что стимулировало исследователей сделать ещё один шаг в поисках новых единиц анализа взаимодействия личности и общества.

Коллективное переживание и конструирование идентичности

Обращение к категории переживания в современной психологии следует логике *аффективного поворота* научного знания к междисциплинарным исследованиям эмоций в ракурсе интеграции достижений нейробиологии, социологии и антропологии (Плампер, 2018). Отечественными учёными заново была прочитана работа Г. Шпета по введению в этническую психологию (1927 г.), где используется понятие не индивидуального (как позднее, например, у Л.С. Выготского, С.А. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Ф.Е. Василюка), а коллективного переживания, означающее типическое отношение к культуре, которое воплощается в форме языкового знака: «Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их

переживаниях как «откликах» на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» (Шпет, 1996, с. 341).

Коллективное переживание объединяет следующие семантически близкие понятия, часто используемые в англоязычной психологии: межгрупповые и коллективные эмоции, социальные эмоции и чувства (Емельянова, 2023). Его можно определить как *основанное на идентификации человека с общностью аффективно-когнитивное единство личности и социальной группы* (Дипатов, Стефаненко, 2015). Коллективное переживание выступает ключевым механизмом социализации и развития личности, помогающим интернализации социальных норм и правил и объединяющим различные виды идентичности – личностной и социальной, нарративной и диалогической – в целостный образ (Марцинковская, 2009).

Если в концепции А. Тэшфела социальная идентичность является психологическим фактором формирования *воображаемого сообщества*, члены которого могут и не знать в лицо большинства своих «собратьев», но при этом удерживают в сознании единый образ группы, то в ракурсе коллективного переживания сообщество становится эмоциональным. Эмоциональные сообщества представляют собой консолидированные группы, «в которых люди демонстрируют одинаковые или схожие оценки конкретных эмоций, целей и норм эмоционального выражения» (Розенвейн, 2023, с. 13). Отношения личности и общества устанавливаются и поддерживаются через intersubjectively разделяемое переживание, опосредствуемое языком и коммуникацией.

Таким образом, коллективное переживание является механизмом интернализации обыденного знания о социальной реальности (в форме социальных представлений), его аффективного наполнения и превращения в идентификационные структуры личности. Это знание, непосредственно переживаемое и усваиваемое в процессе социализации помогает моментально оценивать, интерпретировать и объяснять изменяющийся мир, выполняя тем самым функцию эвристики и предвосхищения социальных изменений. Поэтому категория коллективного переживания точно отражает динамику общественного и индивидуального сознания, взаимодействие личности и общества в новой изменчивой ситуации в современном мире и может рассматриваться как один из ключевых механизмов формирования динамической устойчивости личности.

Выводы

1. В современной психологии социальный контекст рассматривается не только как ситуация непосредственных межличностных коммуникаций и взаимодействий, но прежде всего как система социальных институтов, упорядочивающих повседневную жизнь людей и выполняющих функцию защиты от неопределённости и непредсказуемости.

2. Психологическим измерением социальных институтов выступает общественное сознание, чье основное содержание – обыденное знание в форме интерсубъективно разделяемых социальных представлений – интериоризируется в процессе социализации и тем самым становится достоянием индивидуального сознания человека.

3. В качестве концептуальных единиц анализа взаимодействия индивидуального и общественного сознания первоначально использовались понятия социального характера и социальной роли, которые, однако, не смогли зафиксировать аффективные и когнитивные факторы динамического взаимодействия личности и общества.

4. Наиболее разработанной для анализа личности в социальном контексте является категория социальной идентичности, в современном значении изначально использованная в теории А. Тэшфела, а затем дополненная в концепциях самокатегоризации Дж. Тернера и неопределённости-идентичности М. Хогга.

5. Выделяются три ключевые проблемы исследования социальной идентичности: 1) проблема её культурно-исторической детерминации (взаимосвязи идентичности и образа человека в истории общества и культуры); 2) объяснение феномена кризиса социальной идентичности; 3) соотношение единства и множественности социальной идентичности.

6. Эмпирические и теоретические противоречия внутри проблематики социальной идентичности отчасти разрешаются в рамках социального конструкционизма К. Гургена: идентичность, опосредствуемая нарративом и диалогом, определяется как динамическая «точка сборки» самого себя в языке и коммуникации, а не как структура самосознания.

7. Один из недостатков теоретизирования об идентичности в конструкционизме – нивелирование значения её аффективной стороны. «Аффективный поворот» современной психологии

даёт возможность рассмотреть идентичность как коллективное переживание отношений личности и общества.

Таким образом, система использованных категорий (социальные институты – социализация – социальная идентичность – коллективное переживание) эвристична для исследования феноменологии проявлений личности в социальном контексте и раскрывает сложный процесс превращения обыденного и социально значимого знания, закреплённого в обществе и социальных отношениях, в индивидуальные структуры внутреннего опыта, которые выступают в качестве элементов конструирования динамической устойчивости личности.

Благодарность

Статья выполнена в рамках проекта РНФ 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределённости».

Литература

- Андреева, Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 4(20). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/804> (дата обращения: 19.11.2022).
- Андреева, Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Аузан, А.А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: МИФ, 2017.
- Бауман, З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- Белинская, Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15.
- Бовина, И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
- Брубейкер, Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012.
- Брунер, Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 1–22.
- Гидденс, Э., Саттон, Ф. Основные понятия социологии. М.: ВШЭ, 2018.
- Гришина, Н.В. Человек в отношениях с окружающим миром: Описания контекста. // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 22–39.

- Гуревич, А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Емельянова, Т.П. Социальные представления и коллективные переживания больших социальных групп // Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 223–236.
- Жуков, Ю.М., Журавлев, А.В., Павлова, Е.Н. Технологии командообразования. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Зейгарник, Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: МГУ, 1982.
- Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: ИГ–СОЦИН, 2010.
- Кramer, I., Braun, D. Как управлять корпоративным племенем: прикладная антропология для топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Куренной, В.А. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1(52). С. 70–78.
- Липатов, С.А., Стефаненко, Т.Г. Категории переживания, коллективных переживаний, коллективных эмоций: сравнительный анализ подходов // Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 8–20.
- МакАдамс, Д. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 135–166.
- Марцинковская, Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования. 2009. № 2(5). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/983> (дата обращения: 19.11.2022).
- Мид, Д.Г. Философия настоящего. М.: ВШЭ, 2014.
- Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997.
- Орлова, Э.А. Социология культуры. М.: Академический проект, 2012.
- Пламшер, Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Полева, Н.С. От идентификации к идентичности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/317> (дата обращения: 19.11.2022).
- Розенвейн, Б. Любовь: история в 5 фантазиях. М.: НЛО, 2023.
- Рубинштейн, С.А. Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959.
- Соколова, Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Терборн, Й. Мир: руководство для начинающих. М.: ВШЭ, 2015.
- Тернер, Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003.

- Торчинов, Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
- Тхостов, А.Ш. Культурно-историческая психология. М.: Канон-Плюс, 2020.
- Тэн, И. Философия искусства. М.: Республика, 1996.
- Франкфорт, Г., Франкфорт, Г.А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. В преддверии философии: духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.
- Фромм, Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
- Харре, Р. Философия сознания как проблема философии и науки // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 14. № 4. С. 13–29.
- Херманс, Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология. 2006–2007. № 1(3). С. 7–53.
- Шпет, Г.Г. Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Штомпка, П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
- Штомпка, П. Социология. М.: Логос, 2008.
- Шубрт, И. Социальная роль – забытая тема социологии // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 15–24.
- Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Burr, V. The person in social psychology. Hove: Psychology Press, 2002.
- Ellemers, N., Haslam, S.A. Social identity theory / In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), Theories of social psychology. London: Sage, 2012. Vol. 2. P. 379–398.
- Gergen, K.J. An invitation to social construction. London.: Sage, 2015.
- Hogg, M.A. Uncertainty-Identity theory / In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), Theories of social psychology. London: Sage, 2012. Vol. 2. P. 62–80.
- Potter, J., Wetherell, M. Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. London: Sage, 1987.
- Rateau, P., Moliner, P., Guimelli, C., Abric, J.-C. Social representation theory / In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), Theories of social psychology. London: Sage, 2012. Vol. 2. P. 477–497.
- Turner, J.C., Reynolds, K.J. Self-categorization theory / In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), Theories of social psychology. London: Sage, 2012. Vol. 2. P. 399–417.

Сведения об авторе

Дмитрий А. Хорошилов, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии имени А.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мигусская пл., д. 6; *d.khoroshilov@gmail.com*

Khoroshilov D.A.

Dynamic stability of personality in a social context: the problem of conceptualization

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The problem of reflection of the determinants that determine the boundaries of stability and variability of personality requires consideration of evolution of conceptual ideas about the interaction of personality and social context in various psychological theories: from cultural psychoanalysis to social constructionism. The principle of dynamic interaction between personality and environment, dating back to the classical works of K. Lewin, in Russian psychology correlates with the idea of contextuality of social cognition and action. Within the framework of the scientific school of G.M. Andreeva believes that it is wrong to reduce the social context only to situations of direct interpersonal communication; the social context is formed by the configuration of socialization institutions, during which elements of ordinary, mass and public consciousness (social representations) are internalized into the internal structures of individual self-awareness. In the context of the transformation of social institutions as agents of personal socialization, which naturally leads to changes in the image of man and the world transmitted by institutions, the question of specific mechanisms for the internalization of everyday and social knowledge becomes particularly relevant. If we turn to the history of psychology, it is possible to trace the development and improvement of conceptual tools used to analyze the interaction of the individual and the changing context: from theories of social character and role to more modern ideas about an indefinite identity constructed in linguistic practices. From the perspective of the affective turn of psychology, it is advisable to turn to the category of collective experience, which acts as the main “mediator” in establishing dialectical relations between the individual and society. The system of scientific categories used in the article (social institutions, socialization, identity, collective experience) is heuristic both for studying the phenomenology of personality in a social context and for modeling the process of transforming knowledge embedded in society and social interactions into individual structures of internal experience.

Key words: social context, social institutions, social character, role, identity, social constructionism, collective experience

For citation: Khoroshilov, D.A. (2023). Dynamic stability of personality in a social context: the problem of conceptualization. New Psychological Research, No. 4, 44–66. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_03

Acknowledgment

The study was supported by Russian Scientific Foundation, project No. 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

References

- Andreeva, G.M. (2007). *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspect Press.
- Andreeva, G.M. (2011). On the issue of identity crisis in the conditions of social transformations. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 4(20). Retrieved from <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/804>.
- Auzan, A.A. (2017). *The economics of everything: how institutions shape our lives*. Moscow: MIF.
- Bauman, Z. (1995). From pilgrim to tourist. *Sociological Journal*, 4, 133–154.
- Belinskaya, E.P. (2018). Modern studies of identity: from structural certainty to processuality and incompleteness. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika*, 8(1), 6–15.
- Bovina, I.B. (2010). Theory of social representations: history and modern development. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3, 5–20.
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow: VShE.
- Bruner, J. (2005). Life as a narrative. *Postneklassicheskaya psikhologiya*, 1, 1–22.
- Burr, V. (2002). *The person in social psychology*. Hove: Psychology Press.
- Ellemers, N., Haslam, S.A. (2012). Social identity theory. In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), *Theories of social psychology*. (Vol. 2, pp. 379–398). London: Sage.
- Emelyanova, T.P. (2023). Social representations and collective experiences of large social groups. In A.L. Zhuravlev (Ed.), *Social psychology* (pp. 223–236). Moscow: INFRA-M.
- Frankfort, G., Frankfort, G.A., Wilson, J., Jacobsen, T. (1984). *On the threshold of philosophy: the spiritual quest of ancient man*. Moscow: Nauka.
- Fromm, E. (1990). *Escape from freedom*. Moscow: Progress.
- Gergen, K.J. (2015). *An invitation to social construction*. London: Sage.
- Giddens, E., Sutton, F. (2018). *Basic concepts of sociology*. Moscow: VShE, 2018.
- Grishina, N.V. (2022). Man in relations with the outside world: descriptions of context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: psikhologiya*, 3, 22–39.
- Gurevich, A.Ya. (2015). *Individual and society in the medieval West*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

- Harré, R. (2007). Philosophy of consciousness as a problem of philosophy and science. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 14(4), 13–29.
- Hermans, H. (2006–2007). Personality as a motivated storyteller: the theory of valuation and the method of self-confrontation. *Postnekllassicheskaya psikhologiya*, 1(3), 7–53.
- Hogg, M.A. (2012). Uncertainty-Identity theory. In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), *Theories of social psychology*. (Vol. 2, pp. 62–68). London: Sage.
- Kramer, I., Brown, D. (2020). *How to manage a corporate tribe: applied anthropology for the top manager*. Moscow: Alpina Publisher.
- Kurennoy, V.A. (2013). The irrational side of the rational. *Otechestvennye zapiski*, 1(52), 70–78.
- Lipatov, S.A., Stefanenko, T.G. (2015). Categories of experience, collective experiences, collective emotions: comparative analysis of approaches. In T.G. Stefanenko, S.A. Lipatov (Eds.), *Collective experiences of social problems* (pp. 8–20). Moscow: Smysl.
- Martsinkovskaya, T.D. (2009). Experience as a mechanism of socialization and identity formation in the modern changing world. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2(5). Retrieved from URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/983>
- Martsinkovskaya, T.D. (Ed.). (2010). *Concepts of socialization and individualization in modern psychology*. Moscow: IG-SOTSIN.
- McAdams, D. (2008). Psychology of life stories. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 3(3), 135–166.
- Mead, G.H. (2014). *Philosophy of the present*. Moscow: VShE.
- North, D. (1997). *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Fond ekonomicheskii knigi Nachala.
- Orlova, E.A. (2012). *Sociology of culture*. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Plumper, Y. (2018). *History of emotions*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Poleva, N.S. (2018). From identification to identity. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11, 58. Retrieved from <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/317>
- Potter, J., Wetherell, M. (1987). *Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior*. London: Sage.
- Rateau, P., Moliner, P., Guimelli, C., Abric, J.-C. (2012). Social representation theory. In P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), *Theories of social psychology*. (Vol. 2, pp. 477–497). London: Sage.
- Rosenwein, B. (2023). *Love: a story in 5 fantasies*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rubinstein, S.L. (1959) *Principles and ways of development of psychology*. Moscow: AN SSSR.

- Schutz, A. (2004). *Selected works: a world glowing with meaning*. Moscow: ROSSPEN.
- Shpet, G.G. (1996). *Psychology of social existence*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii.
- Shubrt, I. (2017). Social role – a forgotten topic in sociology. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 6, 15–24.
- Sokolova, E.T. (2015). *Clinical psychology of loss of Self*. Moscow: Smysl.
- Stefanenko, T.G. (2014). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspect Press.
- Sztompka, P. (2001). Social change as trauma (article one). *Socis*, 1, 6–16.
- Sztompka, P. (2008). *Sociology*. Moscow: Logos.
- Ten, I. (1996). *Philosophy of Art*. Moscow: Republic.
- Therborn, J. (2015). *The world: a guide for beginners*. Moscow: VShE.
- Tkhostov, A.Sh. (2020). *Cultural-historical pathopsychology*. Moscow: Kanon-Plus.
- Torchinov, E.A. (2000). *Introduction to Buddology: a course of lectures*. St. Petersburg: Sankt-peterburgskie filosofskoe obshchestvo.
- Turner, J. (2003). *Social influence*. St. Petersburg: Piter.
- Turner, J.C., Reynolds, K.J. (2012). Self-categorization theory. In: P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.), *Theories of social psychology*. (Vol. 2, pp. 399–417). London: Sage.
- Zeigarnik, B.V. (1982). *Theories of personality in foreign psychology*. Moscow: MSU.
- Zhukov, Yu.M., Zhuravlev, A.V., Pavlova, E.N. (2008). *Team building technologies*. Moscow: Aspect Press.

Information about the author

Dmitry A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; d.khoroshilov@gmail.com